

— Можете мне не верить, — сказал Куравлев, — но во ВГИК я поступал, ни одной роли не сыграв ни на школьной сцене, ни даже перед друзьями.

— Значит, была просто мечта!

— Не было. Было одно: невыносимое сознание того, что мой новенький аттестат зрелости на самом-то деле ни о какой зрелости не говорил. Стыдно признаться: сплошные «тройки», и одна пятерка — по астрономии... И тогда я поставил перед собой истинную звездную цель. Во ВГИКе было, как всегда, 100 человек на место. Удивительно, но до третьего тура я тогда дошел. А потом срезался. Пошел работать на завод, через год снова подал документы во ВГИК. Мечта, знаете ли, появилась! Теперь — приняли.

— Итак, упрямство привело Вас в институт. Ну, а дальше?

— А дальше оказалось, что кино — штука еще более упрямая, и спорить с его законами — бесполезно. Вряд ли, приглашая меня, тогда еще студента, на пробы роли улыбчивого, простоватого матроса Камушкина в фильме «Мичман Панин», сам режиссер Михаил Швейцер подозревал, какой пророчески-суровой была его рука, утверждающая мою первую роль... Приглашений с тех пор я получал много. Играл тоже много. И вот уже двадцать лет, стоит появиться в титрах фамилии Куравлева, зрители начинают улыбаться. А мне вот уже двадцать лет приходится заранее мрачнеть, услышав: «Вас ищет режиссер такой-то...» Знаю: сценарий будет новым, сюжет новым, актеры новыми, а моя роль — до боли знакомой.

— Так давайте этому сначала порадуемся! Порадуемся тому, что, если понадобится назвать амплуа популярного актера Леонида Куравлева, то, пользуясь словарем старого театра, мы назовем — единственное и бесспорное — амплуа «простака». И благовещенские зрители, я уверена, увидев афиши о Вашем приезде, тут же заулыбались, вспомнив Вашего Афоню. Персонаж стал нарицательным. Миллионы зрителей следили (с улыбкой, я согласна, но — какой!) за шагающим на экране неуверенной походкой простоватым, неуклюжим, неудачливым, но до самого донышка добрым человеком. А улыбались по-разному. То сочувствуя, то умиляясь, то беспокоясь, то осуждая, то удивляясь... И не один человек, выйдя из зала, задумался над тем, почему же так: незлобивый, добрый человек приносит

Леонид КУРАВЛЕВ: АМПУА «НАВЫРОСТ», ИЛИ КАК РАЗДВИНУТЬ ГРАНИЦЫ ЖАНРА

зло одним своим бездействием, одной лишь отстраненностью от людей, которые рядом.

— Спасибо. Только зря Вы так защищаете от меня моих простаков. Я их сам люблю. Не такие они простаки, открыто говоря, и даже в старом театре амплуа простака задумано было, как платье порой шьют, — навырост.

В рамках этого амплуа, как и любого другого, тоже можно экспериментировать. Попробуйте поставить рядом Шуру Балаганова и Афоню... А между тем, простаки — оба!

Эксперименты эти бывают порой неожиданны для самого актера. Со мной такое было, когда работал над ролью Завитушкина в «Не может быть!». Прочитал сценарий: простак, сомнений быть не может. Но потом, на съемочной площадке, в свете «юпитеров», вдруг ощутил в незамысловатых репликах своего героя щемлящую ноту... неумещаемости. Откуда она взялась? По логике роли или по логике жизни? Сложу потом на просмотре, смотрю на экран, и... не то, что себя не узнал, нет — мой Завитушкин на экране был загадочным для меня же самого...

В чем здесь дело, я так и не понял. Сработала интуиция. Потом, позже, лет через пять, может прийти и разумное осмысле-

ние этой находки.

— Лет через пять Вы видите себя все в том же амплуа!

— Ну вот, и Вы уже иронизируете! И совершенно справедливо. Сколько бы ни говорили, что не мы выбираем жанр, а жанр выбирает нас, но плыть по течению в искусстве абсолютно противопоказано. Можно экспериментировать внутри жанра. До известной черты. Можно полюбить своих героев — тем более, что они к этому располагают. Я счастлив в своей актерской судьбе: у меня за плечами роль Шуры Балаганова, одна из тех, о которых мечтают. Я не мечтал, но мне посчастливилось. О «Злоумышленнике» Чехова я мечтал. Этот рассказ особенно любил Толстой. Эту роль с удовольствием играл когда-то большой русский актер Иван Москвин. И вот режиссер Швейцер пригласил меня сыграть в его «Смешных людях» — по рассказам Чехова — роль «злоумышленника».

У меня позади — счастье работы над шукшинским Пашкой Колокольниковым...

Недавно закончились съемки нового телевизионного фильма «Маленькие трагедии» — по произведениям Александра Сергеевича Пушкина. Он появится на «голубых экранах» в дни, когда страна будет праздновать 150-ле-

тие болдинской осени. В этом фильме я сыграл роль Лепорелло, слуги Дон-Жуана. Обращение к пушкинскому творчеству, приглашение сняться в этом юбилейном фильме я тоже считаю удачей.

Очень хотел сыграть Недоросля, но это в свое время не удалось, а теперь уже поздно, — возраст не тот. Если бы этого куточка Несбывшегося не было, его надо было бы выдумать, чтобы острее радоваться своей актерской удачливости.

— Вы не боитесь громко говорить об удачах! Есть печальная примета...

— Нет, не боюсь, потому что удачи приходили ко мне всегда в одном обличье: очередного «простака»... А с возрастом крепнет самое стойкое актерское желание: раздвинуть границы жанра. С возрастом хочется играть все серьезнее и серьезнее. Не скажу, что режиссеры этого не понимают. «Проблески» неожиданности в приглашениях уже были. В «Семнадцати мгновениях весны» мне предложили сыграть роль Айсмана. Затянутый в мундир, холодный, расчетливый человек, каждое слово которого взвешено на острых весах между жизнью и небытием... Приглашению этому я удивился, но удивился про себя, и — роль сыграна. Су-

дить не мне.

— Роль принята зрителем, уверяю Вас. Принята зрителем роль Сорокина в «Неподсуден», но вот буквально вчера услышала мнение: если бы в титрах не увидели, что этого страшноватого карьериста, человека, предавшего своего друга, играл Леонид Куравлев, — Вас бы попросту не узнали. Зритель не настроен на такого Куравлева. Мне кажется, Вам гораздо легче переключиться на такие вот неожиданные образы, чем настроить на их восприятие зрителя. Примут ли они принципиально новое амплуа! Не будет ли оно просто «довеском» к сложившемуся стереотипу!

— Этот вопрос меня тревожит тоже. Открыто говоря, поиски выхода за рамки амплуа идут пока вслепую и зависят от случая. Режиссер Владимир Грамматиков, с которым мы успели сблизиться во время съемок фильма «Шла собака по роялю» по сценарию Виктории Токаревой (очень люблю ее прозу!), увидел, наверное, во мне эту неопределенность. И сказал сурово: ищи! Ищи повесть, книгу, сценарий, образ — но ищи сам! Если понадобится, сценарий сделаем сами, будем снимать на свой страх и риск. Прекрасно, что судьба посылает мне режиссера, который призывает к бунту против судьбы...

А пока — снова случай, оценивать его пока не решаюсь, потому что и так разглашаю вам маленькую тайну. Недавно, как раз перед этой поездкой на Амур, закончились съемки нового телевизионного фильма, который будет показан 31 декабря. Сценарий — Виктории Токаревой. Фильм состоит из трех новелл, в одной из которых — она называется «Глубокие родственники» — я играю главную роль. Остальное разглашать не буду.

Поскольку амурские телезрители будут смотреть этот фильм одновременно с москвичами (с разницей в несколько часов), мне будет очень интересно узнать их мнение. Тем более, что зритель здесь чуткий, внимательный и не без чувства юмора, в чем я успел убедиться за время выступления в Свободном, Белогорске, Благовещенске. Хочется надеяться, что наша встреча будет не последней.

Интервью вел
Е. ЗАЛОГИНА.

г. Благовещенск.
НА СНИМКЕ: Л. Куравлев в фильме «Суета сует».